

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.005
УДК 94(470+571)"18" (091):329.14
ББК 63.3(2)53-414

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ, ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ ИСТОРИКА
И ПИСАТЕЛЯ: Н.А. ТРОИЦКИЙ
Е.Н. РИЗАЕВА И В.И. САВЧЕНКО О ПРОБЛЕМАХ
РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

YU.V. VARFOLOMEEV, AN EPISTOLARY DIALOGUE BETWEEN
E.N. RIZAYEVA A HISTORIAN AND A WRITER: N.A. TROITSKY
AND V.I. SAVCHENKO ON THE PROBLEMS
OF REVOLUTIONARY POPULISM

Статья посвящена изучению и сопоставлению взглядов историка Н.А. Троицкого и литератора В.И. Савченко на проблемы революционного движения России XIX в., а также характеристике некоторых его ключевых фигур. Авторы, привлекая эго-источники (переписку и воспоминания), в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматривают вопросы, касающиеся интерпретации сложных и противоречивых сторон революционного народничества как в научной литературе, так и в беллетристике на примере трудов Троицкого и Савченко. Подводя итог проведенному исследованию, авторы констатируют особенности и характер эпистолярного общения историка и писателя 1970-х — 1980-х годов, подчеркивая их беспристрастное, открытое и вдумчивое обсуждение узловых моментов и ярких личностей из истории освободительного движения России девятнадцатого столетия. Анализ переписки ученого и прозаика позволил авторам выявить их концептуальные воззрения по проблемам революционного народничества, и проиллюстрировать совпадение, или близость взглядов Троицкого и Савченко по большинству рассматриваемых ими исторических сюжетов.

The article is devoted to the study and comparison of the views of historian N.A. Troitsky and writer V.I. Savchenko on the problems of the revolutionary movement of Russia in the XIX century, as well as the characteristics of some of its key figures. The authors, using ego sources (correspondence and memoirs), most of them introduced into scientific circulation for the first time, consider issues related to the interpretation of complex and contradictory aspects of revolutionary populism both in scientific literature and in fiction using the example of the works of Troitsky and Savchenko. Summing up the research, the authors state the features and nature of the epistolary communication between the historian and the writer of the 1970s — 1980s, emphasizing their impartial, open and thoughtful discussion of key moments and bright personalities from the history of the liberation movement of Russia of the nineteenth century. The analysis of the correspondence between the scientist and the novelist allowed the authors to identify their conceptual views on the problems of

revolutionary populism, and to illustrate the coincidence or closeness of the views of Troitsky and Savchenko on most of the historical subjects they consider.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н.А. Троицкий, писатель В.И. Савченко, переписка, революционное народничество, Н.В. Клеточников, Н.Г. Чернышевский

KEY WORDS: N.A. Troitsky, writer V.I. Savchenko, correspondence, revolutionary populism, N.V. Kletochnikov, N.G. Chernyshevsky

ВВЕДЕНИЕ. Ученый-гуманитарий и, в первую очередь, историк в своей исследовательской деятельности, как правило, выстраивает разносторонние социальные коммуникации с коллегами, занимающимися близкими к сфере его научных интересов научными проблемами. Между тем, в круг этого общения, подчас попадают и литераторы — авторы художественных произведений, освещающих те или иные исторические сюжеты с разной степенью достоверности и глубины. К числу исследователей, вовлеченных в оживленный и заинтересованный дискурс с писательской средой по различным проблемам российской истории XIX века, безусловно, относится талантливый советский и российский историк, профессор Николай Алексеевич Троицкий. Сам ученый так вспоминал о рождении этого направления делового и доверительного общения в его судьбе: «В 1960–1970-е годы наряду с историками, у меня завязались творческие и личные (вплоть до самых дружеских) связи с литературоведами и писателями: Е.А. Таратута, Ю.В. Трифоновым, Ю.В. Давыдовым, В.И. Савченко, Е.Г. Бушканцем, В.Д. Оскоцким, И.Л. Волгиным, А.В. Храбровицким, В.П. Ерашовым, Н.М. Строковским» [28, с. 122].

Сближал Николая Алексеевича с этими литературными деятелями, в первую очередь, общий интерес к истории революционного народничества. Самую высокую оценку от профессионального историка заслужили романы и повести советских писателей: Юрия Трифонова, Юрия Давыдова, Владимира Савченко, Николая Строковского, Бориса Васильева и Константина Белова. Однако Троицкий принципиально вступал в полемические дуэли с теми литераторами, которые, «не утруждая себя изучением той или иной эпохи выдавал “на гора” откровенную “отсебятину”, — отмечает Ю.Г. Степанов. — Троицкий беспощадно критиковал подобных романистов, считая, что историческая проза предполагает ответственность автора за свое сочинение» [20, с. 214].

На протяжении нескольких лет фрагменты эпистолярного наследия Н.А. Троицкого планомерно и вдумчиво вводятся в научный оборот. В первую очередь, это касается, конечно, его переписки с коллегами по историческому «цеху»: это работы В.С. Груздинской и М.В. Ковалева [3], Ю.Г. Степанова [21], Ю.В. Варфоломеева и С.В. Левина [1], Ю.В. Варфоломеева и Е.Н. Ризаевой [2]. На данный момент лишь в одной публикации — Е.Н. Мановой, упоминается о творческих контактах профессора Троицкого с отечественными литераторами [4].

ЦЕЛЬ исследования заключается в изучении характера и особенностей делового обсуждения проблем освободительного движения России, в частности, революционного народничества XIX в., в переписке доктора исторических наук, профессора Саратовского госуниверситета Н.А. Троицкого и известного советского писателя В.И. Савченко.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве базового исторического источника авторы привлекли к изучению заявленной темы источники личного происхождения — письма из переписки Н.А. Троицкого и В.И. Савченко, хранящиеся в личном архивном фонде историка, который находится в «Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского» в Саратове, куда эти материалы поступили в 2017 г.

В ходе подготовки статьи привлекались классические методы исторического исследования, и, прежде всего, антропологический метод, позволивший авторам проследить по материалам переписки ментальные особенности корреспондентов, приблизиться к пониманию внутреннего мира интеллектуалов советской эпохи. Использование аксиологического мето-

да позволило выявить моральные ценности и деловые принципы участников анализируемой переписки. Сравнительный метод использовался при сопоставлении и анализе взглядов Н.А. Троицкого и В.И. Савченко на проблемы освободительного движения России XIX в.

В качестве основных в исследовании применялись: биографический метод, позволивший изучить жизненные и творческие траектории героев статьи, а также метод контент-анализа, который использовался для выявления качественных и количественных характеристик текстов переписки, связанных с определением позиций и ученого, и писателя по ключевым историографическим проблемам освободительного движения России. Просопографический подход в данном исследовании позволил определить характер и особенности коммуницирования ученого-историка с устойчивой, профессиональной группой советских писателей 60-х — 70-х годов прошлого века, а именно, в части, касающейся обсуждения проблем истории революционного народничества России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Н.А. Троицкий, как верный «рыцарь» музыки Клио внимательно отслеживал и критично оценивал все художественные произведения своих современников — советских писателей, в которых в том или ином ракурсе были представлены исторические сюжеты, связанные с одним из магистральных направлений его научных исследований — освободительным движением в России (преимущественно народническим). Троицкий, без преувеличения, был пуристом научной чистоты и честности в академических исторических трудах и художественной прозе, поборником правдивой интерпретации минувших событий. В своей монографии с весьма говорящим названием «Сказания о правде и кривде в исторической науке» он так сформулировал свое отношение к подобной кривде: «Фальсификаторы истории раздражают меня (с юных лет и поныне)...» [30, с. 3].

Следуя своему кредо, Николай Алексеевич вступал в непримиримую, но конструктивную полемику с авторами, которые, по его мнению, позволяли себе «безнаказанно тасовать правду с кривдой» [30, с. 3]. Среди его визави были как маститые, так и начинающие историки, литераторы и публицисты. Так, например, Н.А. Троицкий, в свое время подверг острому критическому разбору статьи литературоведа А.А. Лебедева, поэму А.Я. Маркова, исторические романы О.Н. Михайлова и С.Н. Семанова [30]. Недостаточно историчным и страдающим от фактических неточностей он считал роман С.А. Заречной «Подвиг поколения» о народниках 70-х годов [27, с. 50].

Действительно, Николай Алексеевич был известен как очень педантичный и бескомпромиссный рецензент, но книги писателя Владимира Ивановича Савченко были среди тех, которые заслужили высокую оценку историка. Открытое, честное и дружеское взаимопонимание двух авторов неизменно сопровождало их эпистолярный дискурс по проблемам истории народнического движения. На одной из книг, подаренных Троицкому, писатель оставил инскрипт: «Дорогому Николаю Алексеевичу — в надежде на нескучные чтения» [4, с. 211]. Но «нескучным», а весьма плодотворным и насыщенным, как показали последующие события, оказалось не только чтение книги, но и длительный диалог во времени историка и писателя. Их переписка весьма обширна и сюжетно разнообразна, но в данной статье акцент сделан на нескольких фрагментах, касающихся тематики революционного народничества, а персонально — судьбы народовольца Н.В. Клеточникова.

Начало знакомства историка и писателя относится к лету 1975 года, когда по рекомендации М.Я. Гефтера профессор Саратовского университета Н.А. Троицкий подготовил отзыв на рукопись книги В.И. Савченко «Тайна клеенчатой тетради: повесть о Николае Клеточникове», поступившую в «Политиздат». Владимир Иванович, получив из издательства рукопись на доработку, познакомился с отзывом Троицкого, и взяв адрес рецензента у редактора издательства А.П. Пастуховой, написал Николаю Алексеевичу 25 июня 1975 г. свое первое письмо. Прежде всего он выразил автору отзыва благодарность за добрые слова и общую положительную оценку его рукописи, и при этом признался, что обрадовался тому обстоятельству,

ству, что рецензентом будет Н.А. Троицкий, так как знал саратовского ученого «как автора очень серьезных, глубоких и честных работ, которые читал с большим удовольствием. [11]

Писатель с пониманием отнесся к критическим замечаниям, отмеченным Троицким в отзыве, и признался, что «не только “не остался в обиде” за “минусы”», но, напротив, был очень благодарен Николаю Алексеевичу «за указанные погрешности в рукописи, которые, естественно, мне бы не хотелось пропустить в книгу. И очень Вам признателен за дополнительные источники <...> и многие Ваши рекомендации...» [11]. Троицкий в своем ответном письме пояснил, что все, что он писал о «минусах», объясняется прежде всего его желанием видеть в книге как можно больше «плюсов» [5].

Одно из таких замечаний историка касалось заметной диспропорции в соотношении материала, содержащегося в рукописи, о революционном и т.н. «дореволюционном» периодах жизни Клеточникова. Троицкий полагал, что с художественной точки зрения такая диспропорция вполне оправдана, но с точки зрения историка-специалиста она вызывала сомнения [5]. В ответном письме автор объяснил превалирование в повествовании «дореволюционного» периода жизни Клеточникова следующим образом: «Я почел бы для себя грехом не использовать представившуюся мне возможность (собственно, это и составило внутренний стержень, сюжет всего повествования о Клеточникове) выйти на одну чрезвычайно важную и поразительно мало затрагиваемую у нас проблему (когда бы еще представилась такая возможность)» [12]. Речь шла о том, что в своей интерпретации образа Клеточникова, показе духовного опыта народника писатель пытался «если и не сформулировать вполне завершенные атеистические принципы нравственности, то хотя бы как-то подойти к сему, во всяком случае, показать, что возможности атеистического сознания отнюдь не исчерпаны» [12].

В итоге, приняв во внимание замечания и рекомендации Троицкого, писатель завершил работу над книгой, и в 1976 г. она увидела свет. «Еще раз позвольте сердечно поблагодарить Вас за участие в деле продвижения рукописи к сему финалу, — с признательностью писал Николаю Алексеевичу В.И. Савченко. — В настоящем, окончательном виде (повести) Вы найдете много существеннейших перемен, в т.ч. и таких, которые суть реакция на Ваши пожелания и замечания, создавшиеся в Вашей рецензии» [13]. Получив от автора обещанный экземпляр книги, только что вышедшей из печати, Николай Алексеевич сразу же отреагировал: «Очень рад и за Вас, и, конечно, за Клеточникова» [6], а спустя несколько дней после прочтения книги Троицкий поделился с автором своими впечатлениями более подробно и детально. Финальный вариант повести, по его мнению, «гораздо лучше (компактнее, убедительнее, точнее), чем была в рукописи, — констатировал Троицкий. — Я уже не встречал в ней погрешностей против истории. Очень рад тому, что в какой-то мере помог Вам сделать отличную книгу об уникальном революционере» [7]. Для Троицкого действительно была очень важна созвучная его видению интерпретация образа одного из «крестоносцев социализма» — Николая Клеточникова — «уникального контрразведчика русской революции» [27, с. 35], как он его всегда характеризовал. Троицкий не скрывал своего удовлетворения от того, что теперь в художественной литературе появился именно тот Н.В. Клеточников, каким представлял его в своих научных работах и сам историк. «Главное, рад за Клеточникова — наконец, он показан во всей своей силе и всем своим обаянием», — писал Николай Алексеевич, и при этом уточнял почему для него это так важно: «Обидно было читать, как представили его два Юрия (оба — хорошие писатели), Давыдов и Трифонов» [8].

Между тем, профессор Троицкий, всегда стремился к безупречности своих произведений и, как видно, такого же подхода ожидал и от других авторов. В связи с этим его огорчили в книге Савченко два обстоятельства, хотя и с частицей «лишь». Причем второе, как он предположил, к самому писателю отношения не имело. Во-первых, по мнению Николая Алексеевича в книге не хватало «наглядности революционного подполья». Историк, в качестве примера, представил, что на страницах книги это могла бы быть хотя бы одна «широкоформатная» картина из жизни «Народной воли», например, заседание Исполни-

тельного комитета, «с художественным воспроизведением лиц корифеев партии, их стремлений, настроений, взаимоотношений и того места, которое н е з р и м о (выделено автором разрядкой — Ю.В.) занимал среди них Клеточников» [8].

Исследователям научного наследия Н.А. Троицкого и его коллегам хорошо известно, что ученый всегда придавал большое значение визуальной репрезентации образов героев своих произведений. Поэтому второе его «огорчение» от овеществленной книги «Тайна клеенчатой тетради», еще пахнувшей в его руках типографской краской, было связано с ее оформлением, точнее — с иллюстративным рядом, призванным визуальным дополнять смысл литературного нарратива. Но у Троицкого вызвали крайнее неудовольствие рисунки, сопровождавшие текст книги, о чем он откровенно и поведал В.И. Савченко: «чрезвычайно не понравились мне иллюстрации А.А. Кошкина, — заявил он. — Клеточников на фронтисписе с головой в полтуловища и паучьими лапками просто ужасен. Хорош только задний форзац» [8]. Однако претензии историка, щепетильного в отношении визуальной достоверности событий и персоналий, зрительно аккомпанирующих тексту произведений, касались не только этой книги, но и многих других из серии «Пламенные революционеры», которые, по мнению Троицкого, «иллюстрируются либо вычурно, либо аляповато» [8]. Единственным исключением, на его взгляд, из этой сложившейся практики художественного оформления серии книг, являются только иллюстрации И.И. Блюха к «Порогу» (о Софье Перовской) сделаны «просто и сильно» [8].

Однако на этом публикационная «эпопея» о деятельности «Народной воли» и Н.В. Клеточникове не завершилась. Спустя два года В.И. Савченко опубликовал две статьи о Клеточникове в многотиражном молодежном журнале «Смена», о чем сообщил Троицкому, правда, при этом посетовал на то, что очерки получились очень неполные «из-за специфичности издания, “куций” рассказ о некоторых моих архивных обнаружениях, и о серии “Пламенные революционеры” в “Литературном обозрении”» [14]. Николай Алексеевич полностью согласился с ламентациями автора на ограниченность объема публикации, но очень одобрительно отозвался о ее качестве: «Я понимаю, конечно (может быть больше, чем кто-либо), насколько богаче был бы Ваш очерк о Н.В. Клеточникове, если бы Вам дали вдвое больше места, но и то, что сделано (и как сделано) — отлично» [9]. Между тем, ученый справедливо отметил несомненное популяризаторское преимущество этих публикаций: «“Смена” — массовый журнал, и Вы теперь приобщили к истории жизни Н.В. Клеточникова “лишний” миллион читателей» [9]. В целом Н.А. Троицкий высоко оценил вклад писателя в создание художественного образа «уникального контрразведчика» «Народной воли»: «Владимир Савченко первым в художественной литературе представил Клеточникова во весь рост как феномен умственной, деловой и нравственной силы, причем открыл в архивах ряд неизвестных страниц биографии своего героя» [27, с. 51].

В черед делового обсуждения произведений своего корреспондента Троицкий откровенно делился с ним информацией о своей научной работе и творческих планах, а также регулярно посылал ему вышедшие в печати новые публикации. Писатель с благодарностью принимал эти щедрые интеллектуальные дары от ученого и высказывал о них свое мнение. Получив от Николая Алексеевича две книги: «Народная воля» перед царским судом (1880–1891)» [22] и «Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.)» [23], он поздравил ученого «с успешным завершением многосложного замысла — исследованием политических процессов двух самых критических в истории самосознания России (если не во всей ее социальной и политической истории) десятилетий 1871–1891 гг. и самым энергичным образом желаю Вам скорейшего переиздания обеих книг» [15].

Савченко считал эту диалогическую ценной не только масштабом исследования, «едва ли не исчерпывающими сведениями о предмете, но и тоном, а точнее сказать методологической ясностью (внятностью), продуманностью положений, которые до сих пор нуждались в этом — в продуманности, додуманности (историками)» [15]. Писатель с одобрением отнес-

ся и к тому, что в монографии были даны характеристики высших чинов правительственного аппарата Александра II и идеологов консервативного лагеря. Правда, по его мнению, «конституционалисты» (Великий князь Константин Николаевич, П.А. Валуев и другие) могли бы быть представлены в книге более основательно. «Очень хороши главы, посвященные отношениям между радикалами и обществом <...>. Тема же: народничество и русская живопись — вообще сплошная целина (как ни странно), тут все внове» [15], — справедливо отметил В.И. Савченко. Писательское чутье не подвело Владимира Ивановича — он, по сути, предвосхитил авторский замысел Троицкого, который через несколько десятилетий все-таки «поднял» эту тему-«целину», выпустив монографию «“Орлы-богатыри”: российские народники в искусстве» [29].

Между тем, Троицкий регулярно посвящал В.И. Савченко в подробности своего научного быта: «У меня сейчас — страда, — писал он писателю в феврале 1978 г. — Только что вернул в “Мысль” верстку 1-й части своего двухтомника о процессах 1866-1900 гг., а здесь тороплюсь сдать в издательство (к 15 февраля) сборник статей, посвященный 100-летию “Народной воли” и второе (дополненное до 20 п.л.) издание моей “Народной воли” перед царским судом» [9]. В этом же году произошло долгожданное и важное для Н.А. Троицкого событие — в московском издательстве вышла его очередная монография «Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг.)» [24].

В январе 1979 г. в письме Савченко историк поблагодарил писателя за «добрый отзыв о моем “Безумстве”, — со свойственным ему юмором и самоиронией отметил Николай Алексеевич, а также пояснил. — Начало его хронологически увязано с судебной реформой, поскольку главный предмет исследования у меня — судебные процессы над революционерами. Именно после реформы 1864 г. (с процесса ишутинцев) они пошли в “нормальный”, буржуазном (насколько это оказалось возможным в самодержавной стране) порядке, т.е. с адвокатами, элементами гласности, состязательности и пр.» [9]. В свою очередь, литератор очень внимательно и вдумчиво вчитался в очередной «опус» Троицкого и составил о нем подробный критический отзыв.

Прежде всего, писатель подчеркнул, что ему «по душе еще определеннойше, чем прежде, выраженная оценка теоретического уровня, достигнутого «Народной волей» периода Великого Исполнительного комитета, как Высшего возможного для того времени проявления теоретической (социалистической, русской) мысли» [16]. Особо выделил он и рассуждения Троицкого о разных течениях внутри народничества. «Справедливо, что в среде И.К., 1879-1881 годов преобладали представления “желябовского” толка». <...> Словом, народническая часть книги производит сильное впечатление. Это, конечно, прежде всего оттого, что частные проблемы избранного Вами угла зрения — процессы — рассматриваются во взаимосвязи (и взаимообусловленности) с общими проблемами движения» [16], — подытожил Савченко. Также понравились ему и разделы книги, посвященные шестидесятникам, которые, по его мнению, органично соединяются с народническими. «Тут, конечно, самое интересное — развитие революционной практики от Чернышевского к 70-м годам. Вы намечаете очень перспективные узлы проблем этого этапа» [16], — подчеркнул писатель.

В ответном письме Н.А. Троицкий приоткрыл писателю концепцию своего масштабного и оригинального исследовательского проекта, а такими секретами творческие личности делятся, как правило, неохотно и крайне редко: «Что касается моей “хрустальной мечты”, то она — в создании пяти (шести?) томника “Три поколения русских революционеров перед царским судом” (от декабристов до большевиков включительно)» [9]. То, что ученый поделился с В.И. Савченко самым сокровенным из своей научной жизни, очевидно, «дорогостоящее», и свидетельствует о высоком уровне доверительности в их взаимоотношениях. К сожалению, приходится констатировать, что этот уникальный мнотомник не был создан Николаем Алексеевичем в задуманном виде, однако, как мини-

мум третья часть этого замысла (по объему — двухтомник) была воплощена в жизнь — в 2000 г. вышла в свет монография Троицкого «Адвокатура в России на политических процессах 1866–1904 гг.» [26].

Наряду с этим, интересуясь у писателя — не занялся ли он очередным «пламенным революционером», Николай Алексеевич предложил Савченко опубликовать любой материал по XIX в. (например, — рецензию о какой-нибудь повести из серии «Пламенные революционеры») в кафедральном научном издании: «мы издаем здесь нечто вроде альманаха “Освободительное движение в России” (фактически единственный в стране историко-революционный журнал), в котором печатаются статьи, документы, рецензии, — уточнял Троицкий. — Издание наше не оперативное (с 71 г. вышли 6 номеров, №№ 7 и 8 в верстке, 9–11 — у издательского редактора)» [9]. Однако, несмотря на невысокую «оперативность» выхода в свет, этот сборник был крайне востребован в академической среде, имея фактически высокий научный рейтинг как в нашей стране, так и за рубежом. При этом очевидная, и, с одной стороны, досадная «перегрузка» номеров сборника, безусловно, свидетельствовала о его популярности среди ученых, когда количество заявок на публикацию значительно превышало печатный объем его выпусков» [2, с. 59], — делают логичный вывод Ю.В. Варфоломеев Ю.В. и Е.Н. Ризаева. Вместе с тем, Николай Алексеевич обратил внимание московского литератора на то, что это издание хотя и не гонорарное, но «“свободы слова” у нас больше, чем в любом из центральных изданий» [9], — подчеркнул Троицкий.

На наш взгляд, сборник «Освободительное движение в России» был любимым детищем Н.А. Троицкого, в котором он постоянно выступал как автор, и одновременно с этим неустанно трудился, как редактор до последних лет жизни. Так, и в 80-е годы прошлого века он увлеченно работал над тематической разработкой, формированием и редактированием материалов очередных номеров журнала. «В № 10 нашего альманаха “Освободительное движение в России”, посвященный 100-летию «Народной воли», я включаю сравнительно-критический обзор трех книг из серии “Пламенные революционеры”: трифоновского “Нетерпения”, “На Скаковом поле” Ю.В. Давыдова и Вашей» [9], — сообщил он Владимиру Ивановичу. Также он испросил разрешение писателя (которое впоследствии и получил) на цитирование в тексте этого критического обзора фрагмента из письма Савченко, в котором прозаик рассуждал о нравственной основе образа Клеточникова. В итоге в 1981 г. эта рецензия была опубликована в 10-м выпуске альманаха [25].

Накануне 1980 года Владимир Иванович получил письмо и очередную монографию от своего саратовского корреспондента — «Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895)», и не удержался от восклицания: «вот бы этак ежегодно было. То есть каждый бы год Вам — завершать новой книгой; а мне ежегодно таковую получать под Новый год. Начало традиции Вы уже положили: с обеими Вашими последними монографиями так и случилось — последние два года я заканчиваю тем, что принимаюсь читать вашу новую книгу. От души желаю эту традицию продолжать!» [17]. Далее в письме он обстоятельно проанализировал ее содержание, обратив внимание на плотно систематизированный материал с большим количеством новых данных. «Как и прежде, украшение книги — ваша статистика, — обоснованно утверждал Савченко. — Продолженный здесь метод соотнесения революционных событий с общим ходом истории, в частности с развитием философии и искусства (особенно литературы) очень важен, на мой взгляд, с точки зрения той, что сильно содействует доказательству той истины, согласно которой, если говорить образами Н.Г. Чернышевского, 9/10 того, в чем состоит прогресс, производится в периоды (благодаря им!) революционных потрясений» [17]. Очень интересен, по мнению писателя, был и раздел об адвокатуре. И, наконец, солидаризуясь с Николаем Алексеевичем в тонком и продуманном подходе к оформлению книг, Савченко отметил приятную, по его словам, особенность этой монографии Троицкого: «ее оформление, под стать “Безумству...”, и форматом, и темным тоном. Получился двухтомник» [17].

В конце письма Владимир Иванович поведал Троицкому об одном из главных, на тот момент, его дел: «меня теперь занимает одно — пишу о Н.Г. Чернышевском. Поразмыслив, решил в данной книге ограничиться одним периодом его судьбы — Санкт-Петербург, 1861–1863 годы <...> Такая загадочная фигура, этот ваш земляк, что чем больше о нем знаешь, тем больше открываешь загадок: суший клад для писателя, и горе — для историка» [17], — философски резюмировал он. Спустя полгода писатель уведомил Троицкого, что он продолжает усиленно «заниматься Николаем Гавриловичем», и при этом скрупулезно пересматривал саратовские сборники о Чернышевском — альманах «Освободительное движение в России» за все годы, и сборники «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» под редакцией Покусаева, и пришел к выводу, что «в них много интересных материалов» для его книги [17]. Итогом многолетних трудов писателя стала его книга «Властью разума: Повесть о Николае Чернышевском», вышедшая в 1982 г., которую он не замедлил отправить Н.А. Троицкому, и очень обрадовался, когда получил благожелательный отзыв авторитетного саратовского историка. «Ваше мнение для меня особенно дорого и ценно, — искренне признался он. — Писал я его («Чернышевского» — Ю.В.) с любовью и много в него вложил и сил, и нервов, и то, что Вы отмечаете, по тексту, на чем остановили внимание, для меня важно. О разных несоответствиях наших взглядов на Чернышевского, мы еще, надеюсь, потолкуем, когда повидаемся» [18]. В 1988 г. вышла еще одна книга Савченко в серии «Пламенные революционеры» — о А.В. Долгушине, и таким образом, как справедливо заметил сам автор в письме Троицкому, «сложилась трилогия из эпохи народничества, если учесть книги о Чернышевском и Клеточникове» [19].

ВЫВОДЫ. Рассмотренная в данной статье переписка Н.А. Троицкого и В.И. Савченко демонстрирует широкую палитру делового и дружеского общения историка и писателя 1970-х — 1980-х годов. «Красной нитью» в их эпистолярном дискурсе проходит заинтересованное и глубокое обсуждение узловых и спорных моментов истории освободительного движения России XIX в., реконструкция и осмысление психологических портретов знаковых личностей эпохи, запечатленных как в академических изданиях, так и на страницах художественных произведений. В данном случае анализ переписки ученого и прозаика важен не только с точки зрения определения их концептуальных воззрений на проблемы революционного народничества, но и с точки зрения выяснения позиций Троицкого и Савченко в их противоборстве с кривдой (выражение Троицкого) в исторических исследованиях и художественной литературе и публицистике. Следует подчеркнуть, что взгляды ученого и литератора, в ходе их открытого и беспристрастного диалога по дискуссионным проблемам народнического движения и характеристике его видных деятелей, в большинстве случаев или совпадали, или были очень близки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев Ю.В., Левин С.В. «Очень тронут Вашим вниманием и благодарен Вам». Переписка Н.М. Дружинина и Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2022. № 4. С. 17–26.
2. Варфоломеев Ю.В., Ризаева Е.Н. «Искра Божья в вас, дорогой Николай Алексеевич!»: из переписки профессора Троицкого с коллегами // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2023. Вып. 29. С. 56–66.
3. Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Вы делаете бессмертно нужное дело — и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 5–21.
4. Манова Е.Н. «Уважаемому Николаю Алексеевичу от авторов...» (книги — с автографами из личной библиотеки Н.А. Троицкого // История и историческая память: межвуз. Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2016. Вып. 13/14. С. 204–212.
5. Музей Н.Г. Чернышевского. Основной фонд (далее — МНГЧ. ОФ) 10505–001
6. МНГЧ. ОФ. 10505–002

7. МНГЧ. ОФ. 10506-007
8. МНГЧ. ОФ. 10506-011
9. МНГЧ. ОФ. 10506-015
10. МНГЧ. ОФ. 10507-001
11. МНГЧ. ОФ. 11451-001
12. МНГЧ. ОФ. 11451-002
13. МНГЧ. ОФ. 11453-015
14. МНГЧ. ОФ. 11453-018
15. МНГЧ. ОФ. 11455-001
16. МНГЧ. ОФ. 11459-001
17. МНГЧ. ОФ. 11460-002
18. МНГЧ. ОФ. 11470-012
19. МНГЧ. ОФ. 11477-009
20. Степанов Ю.Г. К юбилею Н.А. Троицкого // Отечественная история. 2007. № 4. С. 213-215.
21. Степанов Ю.Г. Письма профессора В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому (1987-1991) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. Тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 22-39.
22. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880-1891). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1971. 240 с.
23. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871-1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 408 с.
24. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг.). М.: Мысль, 1978. 335 с.
25. Троицкий Н.А. Пламенные революционеры (О книгах Ю.В. Трифонова, Ю.В. Давыдова, В.И. Савченко) // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 108-117.
26. Троицкий Н.А. Адвокатура в России на политических процессах 1866-1904 гг. Тула: Автограф, 2000. 456 с.
27. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 372 с.
28. Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006. 304 с.
29. Троицкий Н.А. «Орлы-богатыри»: российские народники в искусстве. Саратов: Издательство «Наука», 2009. 120 с. с илл.
30. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полтораки, 2013. 188 с.

REFERENCES

1. Varfolomeev Yu.V., Levin S.V. «Ochen` tronut Vashim vnimaniem i blagodaren Vam». *Perepiska N.M. Druzhinina i N.A. Troitskogo* ["I am very touched by your attention and grateful to you." Correspondence of N.M. Druzhinin and N.A. Troitsky] // *Istoricheskij arxiv*. 2022. № 4. S. 17-26. (In Russian).
2. Varfolomeev Yu.V., Rizaeva E.N. «*Iskra Bozh`ya v vas, dorogoj Nikolaj Alekseevich!*»: *iz perepiski professora Troitskogo s kollegami* ["The spark of God in you, dear Nikolai Alekseevich!": from the correspondence of Professor Troitsky with colleagues] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik»*, 2023. Vy`p. 29. S. 56-66. (In Russian).
3. Kovalev M.V., Gruzinskaya V.S. «*Vy` delaete bessmertno nuzhnoe delo — i v professional`nom smy`sle, i v grazhdanskom*»: *pis`ma M.Ya. Geftera k N.A. Troitzkomu* ["You are doing an immortally necessary thing — both professionally and in a civil sense": letters of M.Ya. Gefter to N.A. Troitsky] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhvuz. sb. nauch. Tr.Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik»*, 2021. Vy`p. 28. S. 5-21. (In Russian).
4. Manova E.N. «*Uvazhaemomu Nikolayu Alekseevichu ot avtorov...*» (*knigi — s avtografami iz lichnoj biblioteki N.A. Troitskogo* [To Dear Nikolai Alekseevich from the authors ... (books — with autographs from the personal library of N.A. Troitsky)] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat` : mezhvuz. Sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta*, 2016. Vy`p. 13/14. S. 204-212. (In Russian).
5. Muzej N.G. *Cherny`shevskogo. Osnovnoj fond* (dalee — MNGCh. OF) 10505-001 (In Russian).

6. MNGCh. OF 10505-002 (In Russian).
7. MNGCh. OF 10506-007 (In Russian).
8. MNGCh. OF 10506-011 (In Russian).
9. MNGCh. OF 10506-015 (In Russian).
10. MNGCh. OF 10507-001 (In Russian).
11. MNGCh. OF 11451-001 (In Russian).
12. MNGCh. OF 11451-002 (In Russian).
13. MNGCh. OF 11453-015 (In Russian).
14. MNGCh. OF 11453-018 (In Russian).
15. MNGCh. OF 11455-001 (In Russian).
16. MNGCh. OF 11459-001 (In Russian).
17. MNGCh. OF 11460-002 (In Russian).
18. MNGCh. OF 11470-012 (In Russian).
19. MNGCh. OF 11477-009 (In Russian).
20. Stepanov Yu.G. *K yubileyu N.A. Troiczkgogo* [To the anniversary of N.A. Troitsky] // *Otechestvennaya istoriya*. 2007. № 4. S. 213-215. (In Russian).
21. Stepanov Yu.G. *Pis`ma professora V.F. Antonova N.A. Troiczkomu (1987-1991)* [Letters of professor V.F. Antonov to N.A. Troitsky (1987-1991)] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhvuz. sb. nauch. Tr.Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik», 2021. Vy`p. 28. S. 22-39. (In Russian).*
22. Troiczkiy N.A. *«Narodnaya volya» pered czarskim sudom (1880-1891)* [“Narodnaya Volya” before the tsar’s court (1880-1891)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1971. 240 s. (In Russian).
23. Troiczkiy N.A. *Czarskie sudy` protiv revolyucionnoj Rossii (Politicheskie processy` 1871-1880 gg.)* [Tsarist courts against revolutionary Russia (Political trials of 1871-1880)] Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1976. 408 s. (In Russian).
24. Troiczkiy N.A. *Bezumstvo xrabry`x. (Russkie revolyucionery` i karatel`naya politika czarizma. 1866-1882 gg.)* [The madness of the brave. (Russian revolutionaries and the punitive policy of Tsarism. 1866-1882)] M.: My`sl`, 1978. 335 s. (In Russian).
25. Troiczkiy N.A. *Plamenny`e revolyucionery` (O knigax Yu.V. Trifonova, Yu.V. Davy`dova, V.I. Savchenko* [Fiery revolutionaries (About the books of Yu.V. Trifonov, Yu.V. Davydov, V.I. Savchenko)] // *Osvoboditel`noe dvizhenie v Rossii*. Saratov, 1981. Vy`p. 10. S. 108-117. (In Russian).
26. Troiczkiy N.A. *Advokatura v Rossii na politicheskix processax 1866-1904 gg.* [Advocacy in Russia in the political trials of 1866-1904]. Tula: Avtograf, 2000. 456 s. (In Russian).
27. Troiczkiy N.A. *Krestonoscy socializma* [Crusaders of socialism]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 372 s. (In Russian).
28. Troiczkiy N.A. *Kniga o lyubvi (Zapiski istorika)* [The book of love (Notes of a historian)]. Saratov: OAO «Privolzhskoe knizhnoe izdatel`stvo», 2006. 304 s. (In Russian).
29. Troiczkiy N.A. *«Orly`-bogaty`ri»: rossijskie narodniki v iskusstve* [“Eagles-heroes”: Russian narodniks in art]. Saratov: Izdatel`stvo «Nauka», 2009. 120 s. s ill. (In Russian).
30. Troiczkiy N.A. *Skazaniya o pravde i krivde v istoricheskoj nauke* [Tales of truth and falsehood in historical science]. SPb.: Poltorak, 2013. 188 s. (In Russian).